

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ

П. А. Канапухин, Ю. И. Хаустов

Воронежский государственный университет

Интересы представляют собой одно из самых всеохватывающих и определяющих явлений в жизни общества, с которым непосредственно связаны и повседневная экономическая деятельность людей, и различные формы их социальной и духовной активности — в конечном счете, вообще все поступательное развитие человеческого общества. Однако, несмотря на все это, интересы, особенно в своем экономическом аспекте, до сих пор во многом остаются для специалистов-обществоведов категорией не до конца проясненной. А между тем, уже античные философы, такие как Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Эпикур и другие обращались к исследованию интересов, понимая под ними стремление к благу, обусловленное природой человека. И хотя трактовка интересов носила у них в целом идеалистический характер, тем не менее заслугой древних философов является то, что они пробили первую брешь в теоцентрическом понимании процессов общественного развития, пытаясь выводить те или иные поступки людей из их потребностей и интересов.

Средневековый период, по сравнению с античностью, не принес в принципе ничего нового в понимании роли интересов в общественном развитии. Наоборот, в это время наблюдается явный регресс в этой области. В основе средневекового представления о ходе общественного развития лежит религиозная концепция провиденциализма, согласно которой мир развивается не сам по себе, а по «промыслу Божию». Данная концепция служила идеальным обеспечением политики, проводимой церковной и светской властью и направленной на удержание в узде индивидуального интереса (эгоизма), который рассматривался как могуществен-

нейшая и самая разрушительная сила. Непримечательным исключением из данной доктрины могут служить социологические взгляды Фомы Аквинского. Индивидуалистическое и утилитаристское видение интереса, а также упор на рационально воспринимаемое общественное благо проходят через всю социологию св. Фомы, считавшего, что «люди лучше заботятся о том, что принадлежит лично им, чем о том, что принадлежит многим; <...> что они будут трудиться более напряженно на самих себя, чем на других; <...> что общественный порядок будет лучше сохраняться, если все имущество будет разделенным, так что не будет повода для спора об использовании вещей, находящихся в общем владении [25, 116]. Однако нетрудно заметить, что в решающей степени подобные взгляды были чуть ли не целиком заимствованы Фомой Аквинским у Аристотеля.

С первыми проявлениями капитализма и европейской реформации ранние представители буржуазной идеологии (Н. Макиавелли, Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза и др.), отбросив теологическую трактовку поведения человека, делают первые попытки вывести те или иные поступки людей из их потребностей и интересов. В частности, у ряда итальянских историков эпохи Возрождения проскальзывает мысль о первенствующей роли интересов в столкновениях различных социальных сил, представляющих пружину важнейших исторических событий. Так, например, Н. Макиавелли, рассматривая «материальный интерес» как главную движущую силу истории, говорил: «Люди скорее забудут смерть отца, чем лишение имущества» (см.: [6, 79]). В столкновении материальных интересов видел он причину борьбы между бедными и богатыми и основу всех политических событий.

Некоторые философы этой и более поздней эпох высказывали мысли о том, что и в борьбе различных идей находит отражение столкновение интересов людей. Примечательно в этом плане высказывание известного английского философа Т. Гоббса (1588—1679 гг.) о том, что если бы геометрические аксиомы задевали чьи-либо интересы, то они, наверняка, опровергались бы (см.: [6, 79]). В своей книге «Левиафан» (1651 г.) он назвал собственный интерес людей самой могущественной и самой разрушительной человеческой страстью. Вообще представление о том, что человек движим страстями и необузданными порывами, присуще не только Гоббсу, но и Спинозе и другим философам той эпохи. Отсюда — «война всех против всех», единственный выход из которой может состоять в том, чтобы люди отдали часть своих прав авторитарному государству, защищающему их от самих себя.

С тех пор на протяжении столетия британские философы-моралисты пытались опровергнуть постулированный Гоббсом антагонизм интересов индивида и общества с помощью различных логических построений. Суть их аргументов можно сформулировать так: человек не настолько плох, чтобы нуждаться в неусыпном контроле со стороны государства. Эгоистические мотивы в его поведении уравновешены альтруизмом и дружескими чувствами. Среди этих философов мы встречаем Дж. Локка, Р. Камберленда, учителя А. Смита Ф. Хатчесона и др.

Следует отметить при этом, что и сторонники точки зрения об антагонистичности существующих в обществе интересов, и их оппоненты все-таки были еще достаточно далеки от научного понимания того, чем порождаются интересы людей и столкновения между ними. Их представления об интересах еще не сложились в последовательную теорию, оставаясь на уровне догадок и отдельных высказываний. Объектом подлинно научного изучения интересы становятся лишь в XVIII веке, в эпоху бурных изменений, вызванных буржуазными революциями. Данный исторический период был ознаменован закладкой фундамента будущей системы, в которой «мотив личного интереса придает направление и упорядоченность функционированию экономики» [14,

52], что не могло не наложить определенного отпечатка и на социально-философские изыскания того времени, придав, в частности, новый импульс исследованию проблемы движущих факторов общественного развития. Пионерами в этой области стали французские философы-просветители К. Гельвеций, П. А. Гольбах, Д. Дидро, Э. Б. де Кондильяк и другие, сделавшие по выражению Г. В. Плеханова, первую грандиозную попытку объяснить общественную жизнь с помощью интересов. В рамках теории интереса французские материалисты XVIII в. стремились дать рациональное (в противовес телеологическому) и материалистическое объяснение поведения людей в обществе. Человек рассматривался ими как «социальный атом», который приводится в движение интересом, подобно тому, как физический атом приводится в движение силами притяжения и отталкивания: «Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса...» [4, 186].

Теория интереса служила французским материалистам и для решения проблем этики. В частности, она дала начало различным вариантам теории «разумного эгоизма», которые при всех своих недостатках представляли собой попытку материалистического объяснения происхождения и сущности морали. Именно в интересах просветители усматривали реальные основания нравственности, политики, общественного строя в целом.

К. Гельвеций, наиболее фундаментально, по сравнению с другими философами-материалистами XVIII века, исследовавший интересы, обозначал данным термином все, что «...может доставить нам удовольствие или избавить нас от страдания» [4, 183]. Интерес, по мнению Гельвеция, есть естественное чувство, базирующееся на себялюбии, «...могущественный и всеобщий стимул, который, двигая всеми людьми, влечет их то к пороку, то к добродетели» [5, 94].

Другой французский философ-просветитель П.А. Гольбах определял интерес как «...единственный мотив человеческих действий...» [7, 311]. Согласно Гольбаху, «интересом называют объект, с которым каждый человек связывает — в зависимости от своего темперамента и своих идей — пред-

ставление о своем счастье, иначе говоря, интерес — это попросту то, что каждый из нас считает необходимым для своего счастья» [7, 311].

Из приведенных выше определений видно, что взгляды и Гельвеция, и Гольбаха, и большинства других просветителей на природу интересов носили в целом идеалистический характер. Интерес выводился ими не из сложившейся в обществе системы объективных отношений, а из субъективных представлений людей о собственном благе, о том, что они считают нужным для своего счастья. Тем самым данные философы смешивали объективно существующий интерес с субъективными представлениями людей о нем. Лишь у Д. Дидро можно обнаружить некоторые зачатки материалистического понимания природы интересов. Так, в частности, он писал: «Когда говорят об интересе индивида, сословия, нации — «мой интерес», «интерес содружества», «его интерес», «их интерес», — это слово означает нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня и т.п.» [9, 352].

Большое внимание французские материалисты XVIII века уделяли проблеме существования индивидуальных и общих интересов. Выше уже отмечалось, что исходный пункт всех социальных теорий французских философов-просветителей — отдельный человек («социальный атом»). Общество же, согласно их воззрениям, представляет собой простую сумму данных индивидов-«атомов». Подобный механистический подход к обществу предопределяет взгляды французских материалистов и на соотношение общих и индивидуальных интересов: в целом приоритет отдавался последним. При этом просветители обосновывали все же необходимость гармонического их сочетания. Так, например, П. Гольбах утверждал, что «быть добродетельным — это значит... видеть свой интерес в том, что совпадает с интересами других людей» [8, 39].

Изыскания французских просветителей во многом предопределяли ход всех последующих исследований, касающихся проблемы интересов. Они заложили прочный теоретический фундамент, на котором впоследствии выстраивали теории даже такие идеологические антагонисты, как предтеча нео-

классиков И. Бентам и утопические социалисты Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн и другие. Целиком и полностью, по выражению К. Маркса, стояли на плечах великих «пророков» XVIII века классики буржуазной политической экономии, разделяя все сильные и слабые стороны их философских воззрений на природу интересов (см.: [18, 74]).

Значительный вклад в развитие учения об интересах внесли видные представители классической немецкой философии. В частности, И. Кант, критикуя сенсуалистическое направление в философии, приверженцами которого в основной своей массе были французские материалисты, утверждал, что «интерес есть то, благодаря чему разум становится практическим, т.е. становится причиной, определяющей волю» [12, 306]. Заслугой Канта является то, что в отличие от французских философов-просветителей, «он решительно подчеркнул значение нравственных интересов, интересов долга, а также то, что он впервые разделил интерес и потребность, показав, что интересом может обладать только разумное существо, только человек» [11, 12]. Однако объективная основа интереса определялась им свойствами не объекта, а исключительно субъекта и сводилась, в конечном счете, к существованию Бога.

Важную роль в развитии теории интереса сыграл и Г. Гегель, первоначально тоже находившийся под сильным влиянием французских просветителей, но затем, вслед за Кантом, отвергнувший сенсуалистическую трактовку интересов, подчеркивая несводимость последних к грубой чувственности и естественной природе человека. Рассмотрение интересов осуществлялось Гегелем в связи с исследованием проблем права, морали, нравственности, гражданского общества. Он развил диалектическую идею осуществления объективного исторического процесса через деятельность людей, каждый из которых руководствуется своим собственным интересом. «Ближайшее рассмотрение истории, — писал Г. Гегель, — убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь потребности,

страсти, интересы и лишь они играют главную роль» [3, т. 8, с. 20].

В учении Гегеля интерес представляет собой одну из важнейших категорий философии духа. В соответствии со своей концепцией он считал, что интерес есть нечто большее, чем содержание тех намерений и влечений, на удовлетворение которых направлена деятельность субъекта, и этот «остаток», проявляющийся в конечных результатах человеческих деяний, связан у него с хитростью мирового разума, с абсолютной идеей, осуществляющей себя в истории через бесконечное многообразие потребностей и интересов.

Методологически Гегель правильно подходил к выяснению сущности интересов, определенным образом связывая их с потребностями. Он считал, что интерес действует «через естественную необходимость... и произвол потребностей» [3, т. 7, с. 127]. Но на пути философа к материалистическому пониманию сущности интересов встала его же теория об абсолютной идее. Интерес, по Гегелю, существует в цели. Цель же заложена в воле, ибо «волить» можно лишь нечто, т.е. конкретную цель. Философ подчеркивал: «Я» не только волит, но волит нечто. Воля, которая... волит лишь абстрактно вообще, ничего не волит, и не есть поэтому воля» [3, т. 7, с. 37]. В свою очередь волю Гегель считал формой существования абсолютной идеи или абсолютного духа. Тем самым, представляя волю связующим звеном между потребностями и интересами, он наполнял содержание последних мистическим смыслом.

В XVII—XVIII столетиях проблема интересов волновала не только философов и историков, но и экономистов. Как уже отмечалось выше, становление рыночного хозяйства — первой экономической системы, не опирающейся на непосредственное принуждение, — и связанное с этим обособление экономической подсистемы общества создали предпосылки для научного исследования и систематизированного описания хозяйственной деятельности людей. Само выделение политической экономии из общей дисциплины, называемой моральной философией, произошло благодаря особой модели человека, легшей в основу новой

самостоятельной науки. Главным моментом этой модели была специфическая мотивация: собственный интерес или стремление к богатству как главный мотив поведения. Своеобразной вершиной исследования интересов в данном периоде явилась работа выдающегося английского экономиста А. Смита (1723—1790 гг.) «Исследование о природе и причинах богатства народов», увидевшая свет в 1776 году и ставшая своеобразной библией капиталистической экономики. Однако прежде чем перейти к непосредственному изложению взглядов А. Смита на сущность интереса, целесообразно остановиться на его основных теоретических и методологических предшественниках по этой проблематике.

«Богатство народов» Смита продолжало долгий спор о соотношении частных интересов и общего блага, участниками которого были английские экономисты и философы XVII—XVIII вв. Экономическая мысль предшествовавшей и современной Смиту эпохи была главным образом представлена трактатами меркантилистов. Эти произведения носили более нормативный, чем дескриптивный характер. В центре их внимания была фигура не рядового экономического субъекта, а законодателя, но и он понимался скорее как идеальный властитель, чем как политик, действующий в реальных условиях. Собственный интерес его подданных признавался, но обсуждению подлежали лишь условия, на которых он может разрешить им действовать по собственному усмотрению, в соответствии с их природными эгоистическими наклонностями, которые законодатель должен подчинить интересам государства и держать в узде.

Виднейший представитель позднего меркантилизма Дж. Стюарт в книге «Исследование основ политической экономии» (1767 г.) писал: «Принцип собственного интереса... будет ведущим принципом моего предмета... Это единственный мотив, которым государственный деятель должен пользоваться, чтобы привлечь свободных людей к планам, которые он разрабатывает для своего правительства». И далее: «Общественный интерес (public spirit) настолько же излишен для управляемых, насколько он обязан быть всемогущим для управляюще-

го» (см.: [1, 60]). Таким образом, некоторые экономисты меркантилистского толка уже использовали модель человеческой мотивации, которую позже мы обнаруживаем в смитовском «Богатстве народов», но делали на ее основе выводы, противоположные выводам Смита: человек несовершенен (эгоистичен), поэтому его надо направлять к общему благу.

Принцип собственного интереса можно найти и в трудах оппонентов меркантилизма — французских физиократов, представителей первой из экономических школ, кто начал подлинно научную разработку интересов. Их столь пристальное внимание к данной категории было обусловлено самой сутью физиократической экономической доктрины, которая выражена в широко известном лаконичном девизе: «Laissez faire, laissez passer» — «Позвольте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда хочет)». Это и предопределило то, что физиократы даже несколько раньше, чем французские материалисты, обратились к изучению роли и влияния личного интереса на поступки человека. Систему интересов при этом физиократы строили в соответствии с созданной ими иерархией хозяйственной значимости различных видов деятельности, отдавая приоритет интересам сельского товаро-производителя.

Физиократы считали, что сущность «естественного экономического порядка» такова, что частный интерес одного никогда не может быть отделен от общего интереса всех. Однако естественный порядок, о котором они вели речь, — это не реально существующая экономика, а некий идеал, который должен быть открыт изобретательным умом и реализован просвещенным деспотизмом.

Наиболее подробно из физиократов проблемой интересов занимался А. Р. Ж. Тюрго. Из-за общего недостаточно высокого уровня развития обществоведческих наук XVIII века, он естественно не мог до конца верно раскрыть их природу. В частности, справедливо связывая интересы людей с их потребностями, Тюрго однако относил интересы к первичной категории, а потребности — ко вторичной, являющейся «...лишь результатом интересов...» [21, 48].

Вероятно, одним из наиболее близких предшественников А. Смита в вопросе о соотношении частных и общих интересов можно считать Бернара Мандевиля, автора знаменитого памфлета «Басня о пчелах» (1714 г.), в котором внешне весьма убедительно доказывается связь между частными пороками, создающими рынок сбыта для многих товаров и источник существования для их производителей, и общим благом. Мандевиль показал, что помимо государственного принуждения существует другой способ «приручить» разрушительные человеческие страсти, связанные с эгоистическими интересами, и поставить их на службу обществу. Этот способ заключается в экономической деятельности. В результате определенные «страсти», ранее считавшиеся предосудительными: жадность, стяжательство, стремление к выгоде, приобретают привилегированный статус под именем интересов.

Таким образом, Мандевиль в эпатажной художественно-полемической форме формулирует тезис, впоследствии положенный в основание «Богатства народов»: люди эгоистичны, однако государство не должно вмешиваться в их дела — достаточно обеспечить свободное функционирование экономики. И хотя морально-этическая позиция Мандевиля была неприемлемой для А. Смита, его идейное влияние на автора «Богатства народов» едва ли можно подвергнуть сомнению.

Памфлет Мандевиля отразил реалии современной ему жизни и задел «за живое» британскую публику. Многие восприняли его как вызов общественному мнению. Наиболее полный ответ на этот вызов появился спустя более чем полвека. Его дал А. Смит. Сначала в работе «Теория нравственных чувств» (1759 г.), а затем на более фундаментальном уровне — в «Богатстве народов». В основе критической сатиры Мандевиля было противопоставление сформировавшегося нового буржуазного уклада жизни и христианской морали. Смит попытался переосмыслить сами эти сложившиеся моральные установки с учетом изменений в обществе. Он воспринимает логику рассуждений Мандевиля, но при этом почти полностью освобождает ее от морально-критического

начала, которое составляло главную мысль «Басни...». Смит как бы переворачивает аргументацию: раз следование частным интересам обеспечивает общественное благо, значит, эти интересы следует признать скорее благотворными и потому естественными.

Смит верил, что каждый человек лучше других знает свои интересы и вправе свободно им следовать. Подтверждением жизнестойкости этих либеральных убеждений служили для Смита законы рынка: «...не от благожелательности мясника, пивовара и булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов».

Развив теоретические представления физиократов (с А. Тюрго, например, он был знаком лично, и, несомненно, последний оказал большое влияние на формирование его научных взглядов), а также опираясь на положения французских материалистов, А. Смит первым разработал в явном виде стройную, целостную научную концепцию, отражающую гипотезу о мотивах экономического поведения людей, получившую широкую известность как модель «экономического человека» («*homo economicus*»). Кратко основные положения этой модели могут быть сформулированы следующим образом [2, 207]:

1. Определяющую роль в мотивации поведения «экономического человека» играет собственный интерес.

2. «Экономический человек» обладает достаточным уровнем интеллекта, информированности и компетентности в собственных целях, позволяющим реализовывать его цели в условиях свободной конкуренции.

3. Модель «экономического человека» применима не к абстрактному человеку, а конкретно к буржуа, предпринимателю.

4. Главенствующий для предпринимателя мотив поведения — максимизация прибыли с учетом денежных факторов благосостояния.

Теоретической основой данной концепции является принцип «разумного эгоизма», сформулированный еще К. А. Гельвецием. В отличие от многих своих предшественников (особенно философов-богословов) А. Смит не считал собственный интерес, эгоизм человека разрушительной силой; наоборот, борьба эгоистических интересов, по его мнению, содействует экономическому раз-

витию общества: «Одинаковое у всех людей постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение — это начало, откуда вытекает «как общественное и национальное, так и частное богатство...» [20, 253].

А. Смит подчеркивал, что в основе производства и обмена продуктами лежат интересы людей. Он отмечал, в частности, что разделение труда приводит к необходимости обмена товарами, при котором люди не могут руководствоваться чувством расположения, опираться на него: «...Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах для него то, что он требует от них... Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, — таков смысл всякого подобного предложения... Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших интересах, а лишь об их выгодах» [20, 28].

Исследуя взгляды А. Смита на роль, которую играет мотив собственного интереса в рыночной экономике, нельзя обойти стороной проблему, с которой сталкиваются все исследователи его творчества. Дело в том, что основанная на собственном интересе модель человеческой мотивации в «Богатстве народов», казалось бы, не согласуется с ее трактовкой в первом большом произведении Смита — «Теории нравственных чувств». Здесь Смит подчеркивает, что поведение человека направляется «симпатией», т. е. умением поставить себя на место другого (в современной психологии это качество называется эмпатией) и желанием заслужить одобрение «беспристрастного наблюдателя». Собственный интерес при этом не отрицается, но Смит подчеркивает его ограниченность: он оперирует только в рамках «справедливого». Однако противоречие между Смитом-моралистом и Смитом-экономистом во многом кажущееся. С одной стороны, Смит утверждает, что развитая система разделения труда заставляет нас вступать в отношения с людьми, к которым мы можем не испытывать симпатии. Таким образом, этика у Смита невозможна без учета собственного интереса, тогда как поли-

тическая экономия вполне может обойтись без учета чувства симпатии. С другой стороны, и в «Богатстве народов» Смит отнюдь не идеализирует эгоизм владельцев капитала: он хорошо понимает, что собственный интерес капиталистов может заключаться не только в производстве выгодных продуктов, но и в ограничении аналогичной деятельности конкурентов. Он даже отмечает, что норма прибыли, как правило, находится в обратной зависимости от общественного благосостояния и поэтому интересы купцов и промышленников в меньшей степени связаны с интересами общества, чем интересы рабочих и землевладельцев. Более того, этот класс «обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его» [20, 195], пытаясь ограничить конкуренцию. Но если государство поддерживает свободу конкуренции, то собственный интерес может объединить разрозненно действующих эгоистов в упорядоченную систему, обеспечивающую общее благо. Таким образом, Смит демонстрирует, что даже при самых худших предположениях относительно человеческой природы рыночная экономика, основанная на свободной конкуренции, все равно дает лучший результат, чем принудительная регламентация экономической деятельности. Так Смит решает дилемму, образованную переплетением индивидуальных и общих интересов.

В дальнейшем основные идеи, заложенные А. Смитом в фундамент своей теории «экономического человека», получили свое развитие в работах другого выдающегося английского политэконома Д. Рикардо.

Предпосылку собственного интереса как основы рационального экономического поведения Рикардо считал научным допущением, приемлемым при анализе долгосрочных процессов. Он утверждал, что закономерным предметом научного экономического анализа является лишь такое поведение людей, которое продиктовано их личными интересами, так как «если бы мы предположили любое иное правило поведения, мы не знали бы, где остановиться» [1, 67]. При этом, однако, Рикардо не абсолютизировал роль интереса. В частности, он отмечал специфику экономического поведения отдельных классов, среди которых, по его

мнению, лишь капиталисты до некоторой степени ведут себя в соответствии с логикой собственного интереса, но и это стремление модифицируется различными привычками и предрассудками, например упрямым нежеланием расставаться с гибнущим предприятием или предубеждением против выгодных вложений капитала за границей, побуждающим «большинство лиц со средствами скорее довольствоваться низкой нормой прибыли у себя на родине» [19, 118]. Что же касается рабочих, то их поведение, как отмечал Рикардо, подчинено привычкам и инстинктам [19; 86, 95], а землевладельцы представляют собой праздных получателей ренты, не властных над своим экономическим положением.

Основным недостатком исследований интересов, проведенных А. Смитом и Д. Рикардо, было то, что они не дали глубинного, научного объяснения причин различий в поведении представителей разных социальных групп. Хотя и А. Смит, и Д. Рикардо разграничивали интересы наемных работников, капиталистов и земельных собственников, указывая на их противоположность, однако же причина их антагонизма выводилась ими из естественного состояния человеческого общества, а не из объективного положения того или иного субъекта в системе экономических отношений. Тем не менее, именно А. Смит, а затем и Д. Рикардо обратили внимание на объективность экономических отношений, а следовательно, и на объективность экономических интересов и попытались выявить на этой основе факторы, влияющие на экономическое поведение человека в обществе.

Методология, использованная А. Смитом и Д. Рикардо, была критически осмыслена последним представителем классической политической экономии Дж. С. Миллем, который принимал модель «экономического человека» с присущей ей определяющей ролью «собственного интереса» в мотивации как чисто теоретическую абстракцию, однако совершенно необходимую для экономического анализа. Несомненной заслугой Милля в исследовании интересов является то, что он одним из первых, из числа экономистов, попытался связать проблемы интереса и собственности.

Он подчеркивал, что политическая экономия охватывает не все поведение человека в обществе: «Она рассматривает его лишь как существо, желающее обладать богатством и способное сравнивать эффективность разных средств для достижения этой цели. Она полностью абстрагируется от любых других человеческих страстей и мотивов, кроме тех, которые можно считать вечными антагонистами стремления к богатству, а именно отвращения к труду и желания безотлагательно пользоваться дорогостоящими наслаждениями» [26, 321]. При этом Милль, как искушенный философ и автор основополагающей работы о логике различных наук, был далек от наивной веры многих своих предшественников в вечность и естественность «собственного интереса». Он считал смитовскую модель «экономического человека» безусловно односторонней по сравнению с намного более сложной действительной его мотивацией: «Вероятно, ни об одном человеческом действии нельзя сказать, что, совершая его, человек не испытывает прямое или косвенное воздействие других импульсов помимо стремления к богатству» [26, 322]. Таким образом, «экономический человек» в трактовке Милля — это не реальный человек, а научная абстракция, выделяющая один-единственный мотив (собственный эгоистический интерес) из всего спектра человеческих побуждений. Построение подобных абстрактных моделей, согласно Миллю, является единственным подлинно научным способом анализа для общественных наук, в которых невозможны эксперимент и опирающиеся на него индуктивные исследования. В этом смысле политическая экономия, по Миллю, подобна геометрии: ее исходный пункт — не факты, а априорные предпосылки (абстракция человека, руководствующегося лишь собственным материальным интересом).

Следующий период в развитии представлений об экономической природе человека характеризуется стремлением универсализировать концепции А. Смита и Дж. С. Милля, включив в сферу исследования не только экономический, но и другие аспекты общественной деятельности. В рамках подобного подхода человека стали рассматривать вне класса, которому он принадлежит. Предметом изучения стал абстрактный человек (индивид),

все мотивы поведения которого были сведены к достижению удовольствий и избежанию огорчений. Причем утверждалось, что удовольствие желательно получить немедленно, т.к. будущее удовольствие обладает меньшей ценностью для человека, чем настоящее. Цель же человеческих действий — достижение максимального благосостояния.

Одним из краеугольных камней данной утилитаристской теории было учение, сформулированное английским философом И. Бентамом (1748—1832 гг.). В рамках своей теории И. Бентам решающую роль отводил интересу индивидуума. Он объявлял удовлетворение частного интереса средством обеспечения счастья наибольшего числа людей, выступая категорически против того, чтобы интерес индивидуума уступал общественному интересу. Общественный интерес Бентам рассматривал лишь как сумму отдельных интересов индивидов.

Основные теоретические посылки И. Бентама в дальнейшем использовали представители зародившегося в семидесятые годы XIX в. «маржинализма». Одним из фундаментальных оснований данного направления является тезис о рациональности поведения человека в условиях рыночной экономики. В основу своего учения маржиналисты положили изучение отдельного человека, его потребностей, мотивов экономического поведения, индивидуальных интересов, причем последние рассматривались ими в субъективно-психологическом духе, в отрыве от социального аспекта производственных отношений.

Маржиналистами была сформулирована концепция так называемого «человека-оптимизатора», характеризуемого рядом специфических свойств:

1. Оптимизатор стремится к наибольшей полезности и прибыльности (либо к наименьшим тяготам и издержкам);
2. Система его предпочтений неизменна во времени и не зависит от каких бы то ни было взаимодействий со стороны внешних условий и со стороны других индивидов;
3. Он способен к сопоставлению целей со средствами их достижения и к выбору оптимального варианта;
4. Человек-оптимизатор обладает полной информацией, позволяющей находить оп-

тимальный вариант, и способен безошибочно предвидеть последствия решений и событий;

5. Он способен мгновенно реагировать на изменение внешних условий.

Разумеется, данная модель человека-оптимизатора, как, в принципе, и все модели вообще, далеко не тождественна действительности. Человек — не машина, не логическое устройство, способное в любой ситуации однозначно выбирать по некоторым алгоритмам варианты поведения. Он подвержен действию собственных эмоций и настроений, на его поведении сказываются индивидуальные и национальные особенности его психики, физическое и психологическое состояние, уровень культуры и развития интеллекта. Однако ценность данной концепции состоит в том, что маржиналисты выдвинули идею о рациональности экономических интересов. Этот тезис важен потому, что он отстаивает возможность научного предвидения тех или иных поступков экономических агентов, следующих в канве своих интересов.

Дальнейшее исследование немарксистскими учеными-экономистами имеет своей отличительной особенностью тот факт, что большинство западных экономистов, широко оперируя понятием «интерес» в качестве отправной точки своих исследований, не углубляются в выяснение онтологической сущности данной категории. Это вызвано, на наш взгляд, сложившейся в рамках неоклассической теории тенденции не касаться вопросов, в той или иной мере связанных с выяснением причин социального неравенства, и, следовательно, избегать глубокого анализа природы экономических отношений собственности. Подобная тенденция в развитии западной экономической теории была подмечена еще В. И. Лениным, который, в частности, характеризовал ее следующим образом: «Политическая экономия пусть занимается трюизмами и схоластикой да бессмысленной погоней за фактиками... а вопрос о «социальных неравенствах» пусть отойдет в более безопасную область социолого-юридических рассуждений: там, в этой области, легче «отделаться» от этих неприятных вопросов» [13, т. 25, с. 44].

Гораздо более подробно категория «интерес» исследовалась западными социологами (особенно при разработке ими общей теории конфликтов). В частности, в той или иной мере к изучению интересов в разное время обращались О. Конт и Г. Спенсер, М. Вебер и Э. Дюркгейм.

Достаточно подробно интересы исследовались различными представителями американской школы социологии. Так, например, А. Смолл (вслед за австрийскими социологами Л. Гумпловичем и Г. Ратценхофером) разрабатывал концепцию интересов как своего рода атомов социальной жизни; социолог и философ Р. Мак-Айвер в 20-х гг. XX века предложил классифицировать социальные связи по целям и интересам людей, выделяя в качестве равноправных экономические, научные, семейные интересы, интересы власти, престижа и т.д.; другие представители американской социологической науки Л. Уорд, Э. Гидденс, У. Росс также дали свои классификации интересов. Большой резонанс вызвали исследования интересов американскими социологами Р. Перри и Т. Парсонсом, которые выдвинули ценностную концепцию интересов. Схема действия, основанная на рациональном понимании субъектом своих собственных интересов, представлялась им недостаточной. Поэтому, по их мнению, для объяснения мотивации тех или иных поступков необходимо влияние «шкалы ценностей» субъекта [22, 116].

Понятие «интерес» является одним из ключевых и в герменевтических изысканиях видных представителей Франкфуртской школы неомарксизма Г. Маркузе, а также Ю. Хабермаса, разработавшего его в рамках своей «теории познания как теории общества» [23, 88—99].

Большинство современных западных немарксистских исследователей интересов придерживаются либо чисто субъективистских представлений о природе интересов (Р. Мак-Айвер, Р. Перри, Т. Парсонс и другие), либо, в лучшем случае, — субъективно-объективных (как Р. Дарендорф и Ю. Хабермас).

Ярким примером подобного субъективистского подхода могут служить взгляды на природу интереса Л. фон Мизеса (едва ли не единственного видного западного эконо-

номиста XX века, обращавшегося к исследованию данной проблемы). В своей основополагающей работе по теории познания и методологии социально-экономических исследований «Теория и история» (1957 г.) в рамках критики марксистского учения он излагает свой взгляд на интересы и их роль в общественном развитии. В частности, Мизес утверждал, что «...неразумно провозглашать, что идеи являются продуктами интересов. Идеи говорят человеку, в чем состоят его интересы... В мире реальности, жизни и человеческой деятельности не существует интересов, которые не зависят от идей, предшествующих им как по времени, так и логически. То, что человек считает своим интересом, является результатом его идей» [16, 103—104]. Таким образом, природа интереса Мизесом полностью субъективируется, и он тем самым фактически лишает их статуса движущей силы человеческого поведения: «Свободные люди действуют не в своих интересах. Они действуют в соответствии с тем, что, как они считают, будет способствовать их интересам» [16, 106].

Как представляется, преобладание субъективных трактовок интереса у современных западных экономистов и социологов обусловлено тем гипертрофированно большим влиянием, которое оказывает современная психологическая наука на развитие западной социальной мысли. Ярким тому доказательством и является то, что на сегодняшний день определение онтологической и гносеологической сущности интересов на Западе практически целиком отдано на откуп различным психологическим школам, которыми интерес, в частности, трактуется либо как эмоциональный процесс, чувство удовольствия, чувственный тон ощущений (К. Остерман, О. Кюльне, П. Циген, Г. Эббингауз и др.), либо как особое состояние воли (Г. Вильзман, Ф. Нортроп, П. Каптерев и др.) [22, 116].

Значительный вклад в исследование интересов внесли классики марксизма. Хотя следует заметить, что специальных работ, конкретно посвященных исследованию проблемы интересов, ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса не было. Не найдем мы у них и развернутой формулировки определения категории «экономический интерес». Однако классиками марксизма были заложены ос-

новы учения об интересах, кардинально отличающиеся от всего существовавшего до того по данной проблеме. От старой философии ими был взят лишь сам факт наличия интересов и их значимость, а также указание на их связь с потребностями.

В домарксистской философии практически игнорировалась связь интересов с материальными условиями жизни общества. Как правило, человек и общество не рассматривались как особые социологические формы жизни, имеющие свои особые стороны и свойства: человек либо противопоставлялся природе, биологическому, либо, напротив, сливался с нею; и тогда, в лучшем случае, его отличие от окружающей природы выводилось только из наличия у человека сознания. Соответственно и сущность интересов выводилась либо из «хитрости мирового разума», либо из биологических инстинктов, «природы» человека, т.е. считалось, что интересы детерминированы только на биологическом, а не социальном уровне. Кроме того, большинство социологов до К. Маркса и Ф. Энгельса процессы и явления, происходившие в обществе, рассматривало односторонне, с позиций господствующего класса.

Учение об интересах в рамках марксистской парадигмы зиждется на трех фундаментальных постулатах:

1. Зависимость экономических интересов от способа производства, наличие у них непосредственной связи с производственными отношениями и признание объективности их (интересов) природы — «...его (интереса, — *Авт.*) содержание, как и форма и средства осуществления даны общественными условиями, независимыми от индивидов» [15, т. 46, ч. 1, с. 99].

2. Анализ антагонистических противоречий экономических интересов как проявление противоречивой сущности капиталистических производственных отношений, т.е. частной собственности — «...если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, антагонистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни» [15, т. 4, с. 144].

3. Обоснование исторического значения осознания экономических интересов пролетариатом в борьбе против буржуазии — «...раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в сознании людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознать его» [17, т. 2, с. 260].

Большой вклад в исследование интересов внесли отечественные философы, социологи и экономисты. Различные аспекты данной проблемы (выяснение природы интересов, их роли в общественном развитии, соотношение интересов общества и индивида и т.д.) активно разрабатывались в России как в до-, так и в послеоктябрьский период. Так, в частности, материальные интересы являлись объектом пристального изучения русских демократов-разночинцев XIX века А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и т.д. Теоретической основой, своеобразным фундаментом их изысканий по данному вопросу была все та же концепция «разумного эгоизма», сформулированная еще французскими просветителями. «...На первом плане у них всегда стоит человек и его прямое существенное благо; эта точка зрения отражается во всех их поступках и суждениях» [10, 392].

Приоритет индивидуальных интересов, прослеживаемый в теоретических воззрениях демократов-разночинцев, может быть подтвержден хотя бы таким высказыванием Н. Г. Чернышевского: «Личный интерес есть главный двигатель производства. Энергия производства, служащая мериллом для его успешности, бывает всегда строго пропорциональна степени участия личного интереса в производстве» [24, т. 11, с. 319].

Непосредственным преемником идей революционных демократов XIX века стало «классическое» народничество (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Н. Ф. Даниельсон и др.), чьим своеобразным теоретическим девизом стала триада: «Экономика — интересы — этический идеал». Народники видели и отражали противоположность интересов труда и капитала, пытались выступать представителями интересов русского крестьянства. Однако сами интересы они трактовали в субъективистском плане, сводя «общественный процесс к действиям

«живых личностей», которые «ставят себе цели» и «двигают события...» [13, т. 1, с. 423].

Традиционно большое внимание интересам уделяли российские марксисты (как революционные — В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и др., так и так называемые «легальные» — П. Б. Струве, М. Н. Туган-Барановский, А. А. Богданов и т. д.), отводившие им одну из центральных ролей в общественном процессе. В. И. Ленин, например, считал, что настоящий марксист обязан «...за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями различать интересы тех или иных классов» [13, т. 23, с. 47]. Учение об интересах он ставил в качестве одного из краеугольных камней марксизма, утверждая, в частности, что «если вы не показали интересы каких классов и какие именно преобладающие в данное время интересы определяют сущность различных партий и их политики, то вы на деле марксизма и не применили» [13, т. 15, с. 377].

Все последующие исследования интересов отечественными учеными в советский период проводились в целом в рамках марксистской парадигмы. Советские обществоведы, развивая идеи объективности экономических интересов и их роли в общественном производстве, значительно углубили научное представление о данной категории, проанализировав многие закономерности их формирования и механизмы согласования, взаимосвязь со стимулами, занятостью, экономическим поведением, потребностями работников, а также производственными отношениями и экономическими законами. Однако несмотря на большой объем проделанной в этой области работы, некоторые важнейшие аспекты данной проблемы так и не получили в современной науке однозначного толкования, оставаясь предметом жаркой дискуссии между российскими экономистами, философами и социологами. Не имеющие же аналога в мировой истории изменения, произошедшие в нашей стране за последние годы и вызвавшие поистине тектонические перемены в производительных силах, формах производственных отношений, а также во всей надстройке, делают теоретические исследования экономических интересов еще более актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов В. С. Модель человека в буржуазной политической экономии от Смита до Маршалла // Истоки: Вопросы истории народнохозяйственной и экономической мысли. — М.: Экономика, 1989. — Вып. 1. — 320 с.
2. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. — СПб.: Эк. школа, 1998. — 230 с.
3. Гегель Г. Сочинения. — М.-Л.: Госполитиздат, 1929—1958.
4. Гельвеций К. А. Сочинения: в 2-х т. — М.: Мысль, 1973. — Т. 1. — 647 с.
5. Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. — М.: Соцэкгиз, 1938. — 483 с.
6. Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. — М.: Политиздат, 1973. — 352 с.
7. Гольбах П. Избранные произведения. — М.: Соцэкгиз, 1963. — Т. 1. — 715 с.
8. Гольбах П. Система природы. — М.: Соцэкгиз, 1940. — 456 с.
9. Дидро Д. Избранные произведения. — М.-Л.: Худ. лит., 1951. — 411 с.
10. Добролюбов Н. А. Сочинения. — СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1901. — Т. 2. — 568 с.
11. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. — 74 с.
12. Кант И. Сочинения. — М.: Мысль, 1965. — Т. 4, ч. 1. — 544 с.
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М.: Политиздат, 1966—1974.
14. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономика: Принципы, проблемы и политика. — М.: Республика, 1993. — Т. 1. — 399 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Политиздат, 1954—1981.
16. Мизес Л. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 295 с.
17. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. — М.: Госполитиздат, 1955—1960.
18. Радаев В. В. Экономические интересы при социализме. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 334 с.
19. Рикардо Д. Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — 360 с.
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 684 с.
21. Тюрго А. Р. Избранные экономические произведения. — М.: Соцэкгиз, 1961. — 198 с.
22. Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. — М.: Советская энциклопедия, 1967. — Т. 4. — 591 с.
23. Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. — 1990. — № 1. — С. 88—99.
24. Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения // Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1948. — Т. 2. — 695 с.
25. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. — СПб.: Эк. школа, 2001. — Т. 1. — 494 с.
26. Mill J. S. On the Definition of Political Economy and on Method of Investigation Proper to it // Collected Works. — Toronto, 1970. — Vol. 4.